

Он проснулся ближе к вечеру, Ча И Сока не было рядом. Он ни на миг не забывал про работу. Лежа в постели Яба бездумно смотрел в потолок. Послышался щелчок дверного замка. Яба захлопнул ноутбук, натянул одеяло по самый нос и плотно закрыл глаза. В дверной проём ворвался свет и застыл на полу широкой полосой

Шаги приблизились. А вместе с ними и прохладный чувственный аромат. Яба услышал шуршание одежды: должно быть он склонился над кроватью. Когда дыхание тронуло щеку, мышцы лица дрогнули. Ягодицы всё ещё покалывали от следов наказания. Но всё исчезнет в объятиях темноты. Он постоял и вышел из комнаты.

«Наполовину человек, и наполовину морское существо вытягивало людские души. И если это не удавалось, то оно бросалось на скалы, обрекая себя на смерть. Такова их природа. Каждый найденный нами образец очень гордился своим голосом...»

Не потрудившись включить свет, Яба продолжил копаться в ноутбуке. Перед уходом Ча И Сок открыл ему аудиозапись и велел прослушать.

- Неужели люди падки на байки про сирен. Самоубийство «на почве песни»?.. Какая дремучая чушь.

Яба начинал скрежетать зубами при слове «целители», настолько сильной была его ненависть. Из-за них профессор Кан творил безумные вещи, а его сын, унаследовав это безумие, поломал так много судеб.

И теперь Ябу хотели убедить, что он один из «этих». Тут пахло заговором. Ча И Сок вероятно понял, что Яба изучил секретные документы. И тогда устроил этот спектакль с перерезанным горлом.

«Н-да-а... он превзошёл себя».

Только Яба на него не купился. И тогда директор Ча сменил тактику. Те документы явно очень важные.

Однако этому извращенцу не провести Ябу своими наркоманскими уловками. Сущность Ябы глубже - он не из тех, что бездумно режут себе глотки. Он - человек мысли. Философ, который созерцает жизнь, восседая на своём крохотном диване.

Рассеянно почёсывая плечо, Яба перебирал в памяти события прошлого. В детстве одна девушка призналась, что избавлялась от головной боли, слушая его пение. Ча Мён Хван, при всех его причудах, помешался на песнях Ябы. Одержимость Ча И Сока поражала не меньше. Но самым веским доказательством была та бесследно исчезнувшая рана.

Яба узнал, что голос выпускает целебные элементы даже в обычной речи, не говоря уже о

пени "принятия". А что насчёт элементов зависимости?.. Передаются ли они через телефон? Или в аудиозаписи?

Учитывая то, как активно Кокаин расточал свои ресурсы, его шансы на раннюю смерть возросли. Закончить дни в руках сутенёра, не дожив даже до тридцати, – унижительный финал. Покинуть этот мир следует возвышенно, как это делают мученики. Именно Яба должен вынести судебский приговор. Кокаин сам наделил его этим правом.

Интересно, догадался ли Кокаин? Про Ябу?..

Яба нервно взлохматил волосы. Не понятно... Не понятно, откуда лезут эти мысли. Как уложить их в своей голове? На что похоже это чувство? Будто прожил всю жизнь, считая себя женщиной, а потом – бац! – и обнаружил спрятанный «стручок». Или думал, что нет яиц, а на самом деле они затерялись между жирными ляжками. Ябе казалось, что в него влили чужие эмоции и теперь они бурлили, не желая смешиваться с его собственными.

Он снова включил запись с самого начала. Голос Кана Ги Ха был ужасен, но Яба слушал его снова и снова. За вторжение в высший замысел, вселенная требовала от целителя плату – жизнь. Но Яба считал, что к нему это не имеет отношения.

Кокаин убивал криком, значит он – Телксиопа.

А что, если... даже с одним шансом на миллион... Яба действительно Целитель? Какого типа? Рука поднялась и пальцы коснулись уголка губ. Медленно, словно слепой, читающий шрифт Брайля, он провёл пальцами по красной кайме, затем – вниз, по горлу. Задумчиво погладил складки на шее.

- А-а-а-а...

Квантовые частицы звука рассеялись. Сжав в кулаке пустоту, Яба поднёс его к лицу. У этого звука тот же состав, что и у Кокаина. Тусклый голос...

Гашиш сел на край провати и вручил корзину цветов.

- Вот. Босс передал к выписке. Неужели улучшил твой соцпакет?..

Розы выбирали с явной тщательностью.

- Эти крысы не пускали к тебе, но с ними хоть подраться можно было. А ты даже не дал себя навестить.

Гашиш с тревогой разглядывал шов на голове Кокаина. Всем сказали, что главный певец попал в автомобильную аварию, получил серьёзную травму мозга и потребовалась операция. Если бы коллеги узнали, что ему удалили чип, его бы растерзали.

- Ты осунулся. Но ничего, откормим.

Гашиш провёл ладонью по щеке друга и, о чём-то подумав, покраснел. Его искренний взгляд, устремлённый только на Кокаина, заставил диафрагму сжаться в тугий узел.

«Окажись Гашиш на месте Ча И Сока, как всё сложилось бы? Почему нас так привлекают падшие люди?»

- Цветы надо поставить в вазу, иначе они завянут.

- Хорошо.

Гашиш вышел и Кокаин обессиленно откинулся на подушку. В голове слегка зазвенело, и рука машинально потянулась к затылку. Повязку сняли, но шрам всё ещё оставался свежим. Операция заняла два часа и Кокаин очнулся на следующий день. На реабилитацию ему дали неделю отпуска.

Когда пришёл в себя, первым делом он проверил рентгеновские снимки до и после. Заодно взглянул на окровавленный микрочип. Кокаин потребовал разбить кольцо-пульт и босс сделал это без возражений прямо у него на глазах.

«Так просто».

Эта мелкая штукovina годами держала его в кабале? Злость из-за потерянных лет затмила даже эйфорию от обрётённой свободы.

Телефон внезапно ожил. Кокаин взял трубку и услышал настороженный голос – звонил управляющий из фамильного дома Ча. Состояние матери И Сока ухудшилось и Кокаина просили приехать. Он едва оправился после операции, но ей не мог отказать. Придумав отговорку про поход в супермаркет, он покинул общежитие. Удивительно, но даже без чипа, головорезы не задержали его.

Гашиш же прилепился как репейник, пришлось попотеть, чтобы оторваться от него. Свобода была в руках, но слишком уж безмятежным выглядел босс. Отчего не отпускает смутное беспокойство?

Ча И Сок покинул зал совещаний и вернулся в кабинет. С утра после срочного собрания акционеров компания превратилась в растревоженный улей, все суетились. Ча Мён Хван, исчерпав последние силы в приступе ярости, уехал домой. У остальных же ни минуты передышки.

Даже не проверяя цифры, по одному только красному графику на мониторе было ясно – акции летят в тартарары. Отпихнув стопку документов, Ча И Сок бросил взгляд на наручные часы. Ему хотелось сбежать из офиса, но учитывая ситуацию, он решил подыграть общей атмосфере.

Растянувшись на стуле он закурил.

То, что Яба целитель казалось невероятным, а уж он сам наверное ещё более озадачен. Кто он, Аглаофема или Телксиопа? А может проверить, есть ли в нём дар Абсолютного целителя?..

- Он Целитель.

И Сок был свидетелем и даже испытал на себе, но до конца не мог поверить. Его невнятное бормотание потерялось в общем гомоне. Ча И Сок потёр шею глядя в окно. Среди однообразных строений его внимание привлекла вывеска урологичекой клиники.

Он отправил в рот драже, выданное Ябой. Прижатый к нёбу, как головка, гладкий леденец плавился вязким сиропом. Ча И Сок набрал номер телефона. Кошка не отвечала, длинные гудки действовали на нервы. Он позвонил телохранителю.

- Не берёт трубку. Посмотри, что он делает?

- Он не показывался весь день. Кажется, слушал оперу.

Напряжение сковало шею. У него нет ни одной записи с классикой. Значит кошка пела сама.

- Я ему сейчас позвоню, пусть ответит.

Подхватив пальто, он выскочил из офиса. Резкие шаги ускорялись, едва не переходя в бег. Когда он, держа телефон у уха, пересекал лобби, монотонный офисный шум прервался от пронзительного визга.

- Ты - нелюдь! Когда мои девочки умерли, ты и глазом не моргнул. А теперь счастлив, что твой щенок выжил?! Я тебя уничтожу!

Посреди лобби разъярённая мать осыпала председателя Ча проклятиями. В меховом пальто накинутом поверх кружевного белья и с растёкшейся по лицу тушью она напомила труженицу из дешёвого кабака. Председатель Ча смотрел на жену с безгливой неприязнью. Проходящие

мимо сотрудники старательно отворачивались, делая вид, что не замечают.

Ча И Сок решительно зашагал в их сторону. Несмотря на попытки охранника её удержать, мать продолжала яростно замахиваться на председателя острыми ногтями.

- Ну почему он не сдох?! Тогда ты мучился бы от горя. Я вас всех убью! Ты!..

Поток ругани оборвался и мать осела на пол, потеряв сознание.

Ча И Сок, убедившись, что мать уснула, вышел наружу. От густого запаха спиртного, пропитавшего комнату, разболелась голова. Даже находясь без сознания мать всхлипывала. С тех пор, как Ча Мён Хван полностью выздоровел, она погрузилась в пучину пьянства. Даже Кокаин не мог заживить гноящуюся рану в её душе. Эта болезнь пройдёт только когда председатель Ча на коленях попросит прощения перед могилами дочерей. Последовавший за ним в сад управляющий заговорил.

- Она разнервничалась. Выбежала так быстро, что мы не успели её остановить. Её здоровье ухудшилось, возможно, потому что Кокаин перестал к ней приезжать.

- Перестал приезжать?

- Сказали, он попал в аварию и лежал в больнице. Я узнал, что он выписался, и вызвал его. Скоро будет здесь. Кстати, исполнительный директор, вам тоже надо бы провериться, выглядите неважно, - обеспокоенно сказал управляющий.

Ча И Сок сделал несколько шагов и замер. В глубине сада незнакомый садовник подстригал ветки.

- А где прежний садовник? Уволился?

- Да, перестал приходить. Он хорошо работал и госпоже он нравился. Жаль, я на него рассчитывал, но видимо к старости стал ошибаться в людях.

«Наверное, оплакивает кошку. Интересно, он скорбит о нём, как о брате или как о любовнике?»

Ча И Сок развернулся и двинулся дальше, ступая по выложенным камням. Управляющий проводил его до ворот и вернулся внутрь.

Едва он вышел за ворота, как внезапно сильная боль сдавила виски. Он опёрся плечом о дверной косяк. Тяжкий вздох на миг воплотился в струйку пара, которую тут же разметало ветром. Мучения от ломки превзошли все его самые худшие ожидания. Чистейший наркотик

был совсем рядом – лишь протянуть руку, но вынужденное воздержание стало адской пыткой. Хотелось вцепиться в горло кошки и выдавить из неё любой звук, лишь бы прекратить этот кошмар.

Даже под кайфом, он не был настолько несдержан. Звонящая боль в ушах безостановочно сверлила барабанные перепонки. Жжение в животе нарастало, растекаясь по венам и превращая кровь в кипящую лаву.

Прислонившись к воротам, Ча И Сок оценил расстояние до машины. Вынул ключи и нажал на кнопку. С пиканьем разблокировалась дверь и вспыхнули фары. Он не почувствовал, что рядом с ним кто-то стоит. Прежде, чем он это понял, ему в бок воткнулось лезвие. Нож провернулся под неестественным углом, разрывая внутренности, и выскользнул наружу. Только тогда Ча И Сок поднял глаза. Лицо человека в кепке скрывала маска. Он наблюдал пустыми взглядом. Ча И Сок узнал его: волкодав Кана Ги Ха.

Снова удар – и оружие, вспоров кожу, пробило печень. Резким толчком изогнутое лезвие всадили поглубже и выдернули обратно вместе с кусками плоти и лоскутьями одежды.

Потоком хлынула кровь. В этот момент на стену упал свет фар, слепящее пятно ползло вверх. Бандит глянул в сторону приближающейся машины, спокойно убрал нож и, свернув в переулок, скрылся.

Зрение расфокусировалось. Мышцы ног ослабли и тело обрушилось под собственным весом. В брюшной полости полыхал огонь, он полз по позвоночнику, прожигал диафрагму, поднимался к гортани. Парадоксально, но мигрень наконец отпустила.

Свет мгновенно рассеялся и всё вокруг утонуло во тьме. Где-то хлопнула дверь машины, слышались торопливые шаги.

- Директор Ча! Директор Ча! – раздался знакомый голос.

А потом полилась мелодия, чистая как родник.

Ария, подобно тончайшей шёлковой нити, мягко прошивала тело насквозь. Его накрывало волнами боли, но им вторили волны целебной энергии. Мягко пробиваясь сквозь ткани, она усиливалась: заживляла нервы и сращивала разорванные сосуды.

Боль начала отступать, её огненные когти постепенно разжались и воздух наконец беспрепятственно проник в лёгкие. Изредка доносились женские рыдания.

Когда последний аккорд мощной арии затих, убаюкивающая энергия разлилась вокруг, впитывая остатки страданий, как прибой слизывает последние мусорные наносы после бури.

Кокаин подошёл к Ча И Соку. Нападавший явно умел обращаться с ножом: повреждения внутри были нанесены исключительно точно, с максимальным уроном. Нетрудно догадаться, кто за этим стоял.

Сила целителя остановила кровотечение и поверхностное заживление но, для полной регенерации требовались долгие дни и ночи усилий. Госпожа Ча сжимала безжизненную руку своего сына. Для матери видеть изувеченным своего ребёнка было невыносимо.

- Я обо всём позабочусь, госпожа, отдохните пока.

- Когда сын председателя выздоровел, знаешь, что я хотела? Убить тебя!

Её слова вырвались внезапно. Взгляд, запоздавший на мгновение, вспыхнул неприкрытой ненавистью.

- Если бы не ты, наш И Сок... Если бы он... Я не смогла бы жить дальше, - смахнула она слёзы и поднялась.

- Я подготовлю гостевую комнату и ты сможешь остаться здесь на несколько дней, пока И Сок проходит лечение.

Хоть слова и прозвучали сухо, но за ними проступала глубокая признательность. Когда она ушла, Кокаин опустил взгляд на лежащего мужчину.

Юноша догадывался, что босс уже знает местонахождение Ябы, но не думал, что он станет действовать так быстро. Кокаин благодарил сам себя, что успел отправить Се Джуну домой к директору Ча.

Благодаря жене Мён Хвана, Се Джуну удалось свободно проникнуть на территорию комплекса. Она охотно согласилась сохранить эту просьбу в секрете.

Но секреты не держатся в пустой голове.

«Что если И Сок узнает?..» - он тут же отмахнулся от этой мысли. Какие могут быть претензии к тому, кто спас тебе жизнь?

Се Джун, наверное, уже забрал Ябу, нужно только дождаться от него звонка. Сейчас следовало думать о том, чтобы вылечить Ча И Сока.

* * *

Он направился в примыкающую к комнате ванную. Плеснул на лицо холодной водой, похлопал себя по щекам. Вытерев запотевшее зеркало, он встретился взглядом со своим отражением: изящный овал лица, розовые губы. После ночи пения горло першило, а тело ныло от усталости, но зато состояние Ча И Сока значительно улучшилось.

Когда он включил телефон, экран вспыхнул, показывая десятки пропущенных — все от Им Су.

«Он явно скучал» - усмехнулся Кокаин и снова отключил телефон. Раньше, с чипом в голове, он и не мечтал о такой дерзости. Теперь - пожалуйста. Остался в семейном доме Ча И Сока и продолжит его лечить.

Он сел на край кровати и аккуратно промокнул полотенцем пот, выступивший на лбу Ча И Сока. Снял с него окровавленную рубашку и размотал бинты. Нож оставил всего две отметины на теле, но внутренние повреждения оказались крайне тяжёлыми. Кокаин наклонился и прильнул губами к области талии. И ощутил аромат одеколона, смешанный с запахом крови.

Преодолевав жар, подступивший к горлу, Кокаин запел. Вместе с исцелением он проводил и очищение. Одну за другой он исполнил пять проникновенных арий. Лицо Ча И Сока исказилось в муках. Несмотря на силы вложенные в лечение, состояние пациента всё ещё оставалось нестабильным - это вызывало тревогу. Раньше уже происходило нечто похожее. Ча И Сока окружал невидимый барьер. Энергия Кокаина скользила по этой преграде, едва просачиваясь.

После долгого и напряжённого процесса исцеления Кокаин наконец позволил себе перевести дух. Его грудь тяжело вздымалась, когда он медленно выпрямился. Раны выглядели значительно лучше. Ча И Сок задышал куда более спокойно и глубоко. Под мягким светом лампы Кокаин осторожно коснулся пальцами влажной переносицы директора Ча, затем очертил линию бровей. Пальцы скользнули в его волосы, перебирая пряди. Ритм, монотонный и гипнотический, вытянул из Ча И Сока остатки грязи, и заполнил ослепительно белой энергией.

«Я в прошлом грёзами жила, и вера благостью казалась,

В любви сгорали мы дотла, надеясь на господню жалость.

Была юна я и смела, мечты рождались и сбывались.

Раскрыв, как птица, два крыла, взлетала без оков печали».

Это была песня Фантины - проститутки и матери-одиночки, тоскующей по временам, когда в её несчастной жизни ещё оставалось место мечтам. Его любимая часть в «Отверженных».

Совсем скоро, Кокаин обретёт полную свободу, и будет обладать этим мужчиной безраздельно. Яба выветрится из его головы, как постыдный след прошлого. Хоть связки лопнут - не

страшно. Сейчас он выкладывался так, как никогда раньше. Его гибкий медовый голос врачевал истерзанные внутренности.

«Идею иллюзорную держала, обжигая руки.

Но в этом адовом плену, нас окружают страх и муки».

С каждым его вдохом напряженные мышцы пресса ритмично поднимались и опускались. Взгляд Кокаина снова и снова скользил к местам, не имевшим отношения к ранению. Как он обнимал Ябу? Как Яба реагировал? Под солнечным сплетением зародилась волнующая дрожь. Наклонившись ближе, он откинул пряди волос с его лба. Затем прикоснулся к губам Ча И Сока своими – даже этого хватило, чтобы жар охатил всё тело.

Он поймал губами нижнюю губу И Сока. Переступить эту грань было безумием, но здравый смысл уступил ощущениям. Приоткрыв рот, он лизнул его язык. Эти губы, привыкшие лишь к грязным острым и наркотическому оцепенению, теперь беззащитно раскрывались. Не оторваться. Нежное скольжение языков вызвало волну искр пробежавшей по бёдрам. Он проник глубже, отдавшись странному наваждению. Это позволяло на миг почувствовать себя чем-то большим, чем сосуд для собственной мерзости.

Ча И Сок не появился даже к рассвету. На звонки тоже не отвечал. Яба поставил на огонь рис, чтобы приготовить завтрак к его приходу. По привычке он включил телевизор. Телеэксзорцизм начался - на экране замелькали клочки чужих жизней. Одна история накладывалась на другую, не оставляя ни проблеска логики.

- Скандал разрастается: президент «Тэ Рён Групп», отбиваясь от журналистов, пытается попасть в офис, в то время как хедж-фонд из Гонконга, владеющий долей в Тэ Рён, требует срочного совещания. В компании обещают дать ответ... но только когда буря немного утихнет.

В последнее время Ча Мён Хван не сходил с экрана телевизора. Под постоянным прицелом камер и микрофонов его напряжённое лицо превратилось в живую карту, по которой можно изучать анатомию мимических мышц. В кольце телохранителей он стремительно скрылся в лифте. Никакая профессиональная съёмка не способна приукрасить эту жалкую картину.

«Ходит как ни в чем не бывало» - подумал Яба. Идея о том, что это могло произойти благодаря ему казалась чужьей. Однако мысли, раньше полные лишь хаоса и отторжения, начали приобретать иной окрас. Если судьба предлагает множество дверей - разум выбирает ту, за которой нет опасности.

Но он обязан был воздать должное Ча И Соку, принявшему на свои плечи проклятие Ябы.

Вернувшись из душа, он переложил на тарелку кусочки манго. Жуя сочный фрукт, направился в гостиную, из дальней комнаты донёлся звук трения о двери. Там Ча И Сок запер зловредное создание перед тем как уйти. Яба обернулся.

«То, что должно лежать в ящике для овощей, располагает целой комнатой».

Но разве можно завидовать заключенному, пусть и в огромной клетке? Собирался пройти мимо... но предательские руки уже открывали дверь. Гадина только этого и ждала, мгновенно выскользнула на волю.

Яба инстинктивно одёрнул ногу. Как и ожидалось змеиная голова закружила у его щиколотки. Устроившись с тарелкой манго в центре гостиной, он с отвращением наблюдал, как тварь подползает и нагло кладёт морду на его бедро.

«Ну всё, хватит с меня доброты», – решил Яба, ткнув нахальное рыльце вилкой.

- Кыш отсюда.

Странное создание лизнуло воздух и уставилось на него снизу вверх.

«Да, я разговариваю с едой», – мысленно съязвил в ответ Яба.

Иногда казалось, что эта тварь понимает человеческую речь, и становилось не по себе. Он достал телефон и набрал Ча И Сока. Снова только гудки.

После его неожиданного открытия, что он якобы целитель, Яба решил, что ничего не изменится, и значит, всё нормально. Не то чтобы он расстроился или впал в отчаяние. Просто раньше он о себе такого не слышал, и ему было любопытно. Но чем больше он думал, тем более неутешительные выводы напрашивались. Он уставился в одну точку, заиклившись на одной мысли, и вдруг в трубке раздался голос:

- Алло. Это телефон Ча И Сока.

Яба слишком хорошо знал этот голос. До тошноты. Голос, который он слышал ежедневно на протяжении десяти лет и никогда не перепутал бы его ни с кем. Ябу будто ударили под лёгкие.

- Почему трубку взял ты?

На этот раз молчание воцарилось на другом конце.

- Я так и знал. Ты жив. – Каждый слог прорывался сквозь дыхание, словно он ртом припал не к

трубке, а прямо к уху Ябы.

Доводы рассудка улетели так далеко, что Яба, не задумываясь, подтвердил Кокаину своё существование. И тогда на задворках души пробудилась первородная жажда убивать. Она потянулась, медленно расправляя когти в его груди.

- Я задал вопрос.

- Ах, да. Ча И Сок сейчас не может подойти.

Бип.

Яба набрал номер снова. Но телефон уже выключили. Сейчас беспокоила не осведомлённость Кокаина о его тайне - куда страшнее было то, что именно он ответил вместо Ча И Сока. Дрожащей рукой он сжал телефон и впал в ступор, пока пронзительный свист рисоварки не привёл его в чувство. Сладковато-приторный запах риса ударил в ноздри, и желудок сжался в спазме. На секунду всё замерло - а затем взрыв ярости: рисоварка, описав дугу, с грохотом упала. Горячий пар взвился к потолку, рассыпавшиеся зёрна прилипли к стенам.

Потом он побил всю посуду, что стояла на барной стойке, в ярости колотил по стене до тех пор, пока не выдохся. Непристойные кадры множились в его голове: Ча И Сок и Кокаин в постели голые, слились друг с другом как сиамские близнецы. Яба схватился окровавленными пальцами за волосы. Казалось, боль от каждого вырванного клока волос, заглушала их смех.

Он уставился на мерцающие огни за окном. Простоял так, провалившись в транс, неопределённо долго, пока не включил телевизор - единственное оружие против натиска тишины. Личинки, зародившиеся в его голове, уже вылупились и теперь шевелились, наливаясь силой. До превращения в полноценных особей оставалось недолго.

Палец продолжал нажимать на кнопку пульта, листая каналы с бесконечными повторами новостей и дешёвыми сериалами. Его рука вдруг замерла. На экране в прямом эфире шла опера «Мадам Баттерфляй».

Когда в порту прогремел орудейный залп, Чио-Чио-Сан смахнула слёзы и поправила макияж. С трепетом она облачилась в платье, которое было на ней в день свадьбы с Пинкертоном. Прима сопрано, заgrimированная в японском стиле, со скалы взирая на гавань, поёт:

«Знаю, сбудется сон

И над горизонтом

Я увижу, струйку дыма

Ветер в небеса поднимет.

В порт...

Зайдёт корабль белый,

Он принесёт веселье,

И всё вокруг померкнет

От залпов фейерверка».

Сопрано окрасило всё вокруг печалью. Это была история, раздражающая своей односторонней самоотдачей и прекрасная лишь в иллюзорном мире.

Пинкертон уходит оставляя Баттерфляй наколотой на жертвенную булавку. Его взгляд тогда был хитрым. А может просто от него веяло солёным морским простором. А Чио-Чио-Сан, истекая кровью, всё равно смотрит ему вслед. Даже жестокий силуэт его спины она, наверное, любила. Каждый раз, слушая эту арию, хотелось вдоволь поиздеваться над Баттерфляй.

Однако пусть это и пошлая мелодрама...

- Это моя любимая ария.

В детстве Ябу покорила жутковатая Чио-Чио-Сан, воплощённая Марией Каллас. Юноше никогда не доводилось петь арии главных героев. Когда мадам Баттерфляй ожила в исполнении Кокаина так, что зал замер, Яба больше никогда не произносил ни слова из этой арии. Так он вычеркнул из своего репертуара более десятка песен.

«Но, я не побегу навстречу, о нет.

Не сдвинусь я с места, останусь на холме.

И долго, и долго ждать буду

Всё это время,

Что вовсе не бремя.

От городской толпы вдруг отделится

Человек, словно чёрная частица

Там внизу. Он всё ближе.

Кто же он? Кто же?

И когда взойдёт на вершину он

Что же скажет? Что скажет?

Издали позовёт любимую.

Но не отвечу сразу,

Чтоб слегка потомить ожиданием,

И не лишиться разума

От счастья встречи желанной».

«Я - сама добродетель. Я - великая жещина, прошедшая сквозь страдания. Пусть все лют слёзы восхищения перед моей жертвой».

Чио-Чио-Сан вовсе не любила Пинкертона. Она упивалась образом мученицы, где она, как икона, сияла в ореоле собственных страданий. И, возможно, она жаждала, чтобы сын - вылитый Пинкертона - возмужал поскорее и прижал её к груди. Вождедея к этой греховной мечте, она так и проживала день за днём.

Сердце Ябы бешено заколотилось. Мерная декламация первых строк сменилась мечтательной кантиленой средней части. А когда настал величественный финал, голос Ябы уже заглушал приму. Пронзительная грусть, накладываясь на сопрано, ударила в стены. От напряжения в горле появился металлический привкус. На развилке между отчаянием и надеждой он закричал.

«Так случится однажды, оставим печали.

Я приму вызов каждый, что судьба предвещает.

Я знаю!»

Увидев новую женщину своего супруга, Чио-Чио-Сан надела сыну на глаза повязку и, стоя перед ним, вонзила нож себе в горло.

«Мой милый мальчик, мой розовый бутон! Пусть мой последний взгляд живёт в тебе вечно. Скажи отцу, что погубил он ту, чья смерть затмит его новое счастье».

Почему Чио-Чио-Сан не зарезала Пинкертонa? Почему русалка не вырвала сердце принца? Живые слишком слепы, чтобы понять – лишь смерть знает истину. Когда эхо криков Чио-Чио-Сан иссякло, Яба очнулся в пустоте. Его кулак с осколком фарфора уже был занесён для удара.

С какого момента он так сидит и почему – он не помнил. В сжатом кулаке ощущался осколок, который впился в ладонь. Яба приложил зазубренный кусок к своей шее. Он не планировал пускать его в ход, просто чистое любопытство: каково это, когда твоя плоть рвётся. Ведь, Ча И Сок сделал это без колебаний. Значит, это не так уж страшно?

В тот момент жёлтая змея подползла и крепко обвилась вокруг голени. Хладнокровная копия Ча И Сока, совсем как маленький сын Чио-Чио-Сан, похожий на Пинкертонa.

За входной дверью послышался топот. Яба выглянул в прихожую и уставился на дверь. Хотя знал, что директор не мог прийти так быстро, сердце разрывалось от адреналина. Внезапно из коридора раздался приглушённый стон, а потом глухой стук. В тот миг, когда все стихло...

Бах!

Дверь затряслась так, что дрожали стены. Серия громовых ударов – и замок не выдержал. Пять мужчин ворвались внутрь подобно лавине. Двое из них несли канистры с бензином, другие окружили Ябу. Потрявоженный датчик движения озарил коридор светом. Размеренные шаги приближались. В проёме возникла тёмная фигура, лучи искусственного освещения за его спиной скользили по контуру плеч, не давая рассмотреть лицо.

Кан Ги Ха был одет с иголки: от безупречного костюма до начищенной обуви. Он стоял в полуобороте, медленно сканируя помещение хищным взглядом. Когда его глаза наконец задержались на Ябе, в них заиграла ярость. В голове Ябы даже не возникло вопроса, как Кан Ги Ха оказался здесь. Он даже не удивился. Возможно, это было неизбежно. Неотвратимость, завязанная узлом Мёбиуса, где начало уже содержит в себе этот финал.

Яба не увидел поблизости Им Су.

Если Кан Ги Ха явился лично, то дело серьёзное. Крайне редко он обходился без Им Су в таких случаях. Так где же чёртов Им Су?

Холод пробрал до самого костного мозга, проник туда, где зреют мысли. Теперь и они покрылись инеем. Кан Ги Ха стоял посреди гостиной как чёрный обелиск с человеческим

лицом.

- Хорошо выглядишь.

Несмотря на игривую фразу, его взгляд оставался жёстким. Пол покрывали следы от обуви. Но грязь от бандитов, разливавших по квартире бензин, раздражали меньше, чем ботинки Кана Ги Ха.

Ча И Сок любил чистоту и не выносил когда вещи, в которые он вложил душу, переходили в чужие руки.

Что он сделает, когда вернётся в пустую квартиру? Может, заведёт себе кого-то другого? Нового питомца, породистого и воспитанного.

- Сними обувь.

Кан Ги Ха, видимо решив, что ослышался, нахмурился.

- Я сказал, сними обувь. - процедил сквозь зубы Яба.

Тот лишь фыркнул в ответ. Яба бросился на кухню. Выдернул нож из деревянного блока. Ги Ха спокойно подошёл и прижался щекой к его лицу. Глаза Ябы вспыхнули. Сжимая нож, он метнул лезвие прямо в хвост скорпиона. Еще один миг и он увидит, что скрывается под хитиновым панцирем. Кан Ги Ха вывернул Ябе руку. Нож лишь оцарапал кожу и со звоном упал.

- Я ведь хотел добиваться твоего прощения! А ты обманул меня! Сколько раз на тебя запрыгивал этот кобель? Сколько!

- Да тебе же плевать на меня! Просто отвали. Дай мне вздохнуть.

Яба кусался и царапался, будто пытался содрать старую кожу прошлого. Кан Ги Ха - великий наставник. Тот, кто учил «дружбе», подкупая жалкими подачками и стравливая своих юных «подопечных». Тот, кто лупил их, как домашнюю скотину, «закаляя характер». Утверждал, будто любые усилия тщетны, а внешний мир так сладок, что лучше не пробовать.

Лицо босса перекопилось.

- Было бы плевать, сломал бы тебе шею десять лет назад.

Признание выплеснулось как рвотная масса. Глаза Ябы налились ядом.

- Так почему не сломал? - презрительно усмехнулся он. - Лучше гнить в могиле, чем под твоей «опекой».

Злобно хмыкнув, он поволок Ябу за собой. Тот отбивался и брыкался. В этот момент огромная змея обвилась вокруг бедра Кана Ги Ха и вцепилась в него зубами. Тот, чертыхаясь, всадил в неё нож. Их оружие - зубы и лезвие - разрывали плоть противника.

- Босс! Эй, чего смотрите, освободите босса!

Двое бандитов бросились разматывать змею, но её сопротивление оказалось нешуточным. Лишь когда подключился третий, им удалось оторвать её. Змея сменила цель и обвилась вокруг шеи одного из головорезов. Сметаемые её натиском, они падали - начался настоящий хаос. Трое мужчин объединили усилия и прижали толстое змеиное тело к полу. Питон скрутил руку Ги Ха мощным хвостом. Босс придавил его голову к полу подошвой и выхватил из-за пояса второй нож.

- Нет!

Яба изо всех сил толкнул босса, но клинок оказался быстрее. Лезвие вошло в толстое тело змеи, перерубив позвоночник. Рассечённое пополам оно соскользнуло с руки Кана Ги Ха и рухнуло на пол.

«Нет...»

Яба сглотнул. Он сгрёб в охапку змею и побежал в комнату Ча И Сока. Запер дверь и опустился перед ней на колени. Он прижал друг к другу две половины туловища, но они не срастались. Конвульсии змеи стали слабее. Она умирала. Она умирала. Холодный пот стекал по спине. Сработает ли это на животном? Если Яба не справится, того уже не вернуть?

Снаружи слышался грохот - дверь выбивали. В ушах стоял только гул вентилятора. Яба прижал рассечённые части змеи друг к другу и поднёс губы к месту разреза. Глубоко вдохнув, он запел сразу кульминационную часть.

- А-а-а-а-а-а...

В ответ на лирику виртуозной арии змеиное тело бешено задёргалось. В воздухе резко запахло кровью и голос Ябы стал слабеть. Всё равно смерть неизбежна. Он усилил мощь голоса до предела, выжимая максимум из колебаний звука. Змея яростно извивалась. Она скрутилась вокруг его руки. Давление грозило сломать кость

- Акх...

Мелодия прерывалась вздохами, но Яба продолжал петь.

И тут он усомнился в том, что видит. Кости и жёлтая кожа начали срастаться. Процесс, обратный тому, как клинок рассёк её тело – она полностью восстановила свой первоначальный вид. Это жуткое зрелище больше напоминало кошмар, чем чудо. В первый раз в жизни он наблюдал процесс заживления. И первый раз в жизни осознанно управлял своей силой.

Когда в обмякшее тело змеи вернулся тонус, она уставилась на него. В её красных глазах читались тысячи невысказанных слов. Яба тут же возобновил пение, обрабатывая оставшиеся раны.

Дверь вылетела с петель. Сверхчеловеческим усилием Яба едва успел затолкать гигантскую змею в гардеробную. Он тут же оказался скручен бандитами. Из-за двери раздался хриплый голос Кана Ги Ха:

- Игры кончились. На ужин получишь потроха своего дружка. Будешь лизать тарелку с его кровью.

Сердце подпрыгнуло, едва не вытолкнув наружу содержимое желудка.

- Что ты сказал?

Губы Ги Ха исказились в усмешке.

- Им Су наконец-то размял свои кости.

Мир провалился под ногами – то самое ощущение, когда падаешь с высоты. Им Су был легендарным мастером ножа. Стоило боссу подать знак и тот действовал без промедлений. Их тандем стал конвейером смерти. Кан Ги Ха выглядел самоуверенно. В голове пронеслись ужасающие сцены. Значит, Кокаин с ними заодно... Не может быть. Ча И Сок так просто не попался бы. В последнее время его состояние ухудшилось, но, во всём дотошный, он всегда был на голову впереди Кана Ги Ха.

Кан Ги Ха кивнул из-за двери. Бандиты повалили Ябу и прижали к полу коленями. Один из них заткнул ему рот и нос полотенцем. Когда резкий запах химикатов обжёг ноздри, сознание прояснилось и Яба в панике замотал головой.

- Что ты сделал? Что ты с ним сделал?!

Лучше бы он застал И Сока в постели с Кокаином. В кровь ударил знакомый наркотик, и в памяти всплыло ощущение из детства. Из того дня. По венам Ябы заструились кошмары прошлого. Тело и мозг онемели. И Сок... И Сок... Прикусывая язык, он продолжал выкрикивать это имя. Ча И Сок не изолировал Ябу. Его квартира стала утробой, которая защищала. Эти звери разорвали её, пытаясь извлечь недоразвитый плод.

Плод уже задыхался и умирал, но его всё ещё держала сочащаяся кровью пуповина, обмотанная вокруг шеи.

- Прочь отсюда-а-а-а! - металлический вопль Ябы взметнулся словно щупальце и хлестая прошёлся по головам.

- А-акх-х!..

Окружившие его бандиты схватились за волосы и попятились. Их глаза закатились, обнажая белки, а конечности затряслись в судорогах. Из глазниц выстрелили кровавые фонтаны, черепа лопнули с влажным хрустом. Куски красного желе разметались по стенам.

Яба всё кричал и кричал, не смолкая ни на секунду.

Кан Ги Ха зажал уши и согнулся пополам. Воздух наполнился тошнотворным запахом останков. Бандит, с вытекшими глазами, рухнул рядом с Ябой, мелко подёргиваясь в агонии. Одно из тел на полу издавало булькающие звуки. Яба заторможенно соображал, то ли его действия привели к тому, что он видит, то ли всё было очередной галлюцинацией. Он лежал, распластавшись, безмолвный как один из этих мертвецов, и совершенно бесчувственный.

- Руки... прочь... а.. не то... убью.

Кан Ги Ха, стоявший за дверью, опустил руки. Из ушей тонкими струйками текла кровь. Взглядом, полным потрясения, он окинул бездыханные тела своих подчинённых. Дрожь в коленях не поддавалась контролю. В горле ком.

- Ты... как ты...

Он посмотрел на свои окровавленные руки и коснулся уха. Глаза расширились, когда мозг наконец осознал. Медленно поднял голову, уставившись прямо перед собой.

- Так это ты... Тот, о ком говорил Кокаин?

Звуки, достигавшие ушей Ябы, казались неразборчивыми. Он хотел выбраться из груды трупов, но наркотик не давал пошевелиться. Всё, что его окружало, исказилось. Чары рассеялись. Он больше не раб этого выродка. Теперь был только один способ разорвать зловещий круг и оставить своего угнетателя ни с чем.

Яба собрал последние силы и сконцентрировался на режущем крае зубов. В тот момент, когда он собирался откусить себе язык, мерзавец рванувшись вперед, засунул пальцы ему в рот. Криво сомкнувшиеся зубы рассекли плоть. Теплая жидкость растекалась по языку.

Кан Ги Ха выругался и затолкал в рот Ябы тряпку. Он двигался как в невесомости. Чёрт. Как такое возможно... Он только и мог, что бессвязно материться. Когда он вышел за дверь, снова сработал датчик движения, и загорелся свет.

В коридоре все охранники лежали связанные и без сознания. Кан Ги Ха щёлкнул зажигалкой. Искра упала на пол, и дорогой аксессуар, взлетев по параболе, со звоном приземлился на мокрый пол. Огонь, хищно лизнул горячую лужу и начал стремительно расползаться. Комната Ча И Сока... Комната Ябы... Всё исчезало в ненасытной пасти.

Спринклеры принялись орошать помещения, но их мощности оказалось недостаточно. Пламя продолжало разбегаться, а едкий дым уже заполнил гостиную и повалил в коридор. Конструкции стен и потолка вибрировали и плавилась. Яба из последних сил не давал векам сомкнуться – он понимал, что когда откроет глаза, этого места уже не будет.

Лифт распахнулся, втягивая клубы дыма. Внутри сквозь чёрную завесу, будто призрак, проступила фигура человека в шлеме. Его лица не было видно. Он на миг замер, парализованный шоком от увиденного. В руке он держал садовый секатор. Молниеносный взмах – и лишённая защиты шея босса приняла поцелуй стали.

Из раны брызнула кровь. Ябу подбросило, как щепку, в бурлящем потоке. Руки и ноги беспомощно вметнулись. Ги Ха успел ухватиться за шею противника, восстанавливая равновесие. Восходящий удар локтем в нижнюю часть шлема ошарашили человека, и, не давая ему передышки, Ги Ха атаковал в живот и с боков. Затем обнажил нож и воткнул в плечо незнакомца.

Человек в шлеме не обратил внимание на оружие, торчащее из плеча, и шагнул вперёд. Как только дистанция сократилась до зоны поражения, ножницы мелькнули в воздухе и начали кромсать без колебаний. Несколько пальцев, сжимавших нож, разлетелись в стороны. Скрежет лезвий издавал жуткий звук. Они впивались в руку, оставляя после себя бахрому из кровавых ошмётков. Упавший Кан Ги Ха исчез под чёрным дымом. Человек в шлеме торопливо поднял Ябу на руки.

Из-под шлема смотрели кроткие глаза, слишком невинные для того, кто творил резню. Казалось, в забытом богом мире, только эти глаза напоминали о том, что такое чистота.

Но вскоре и они растворились во тьме, остался лишь тяжёлый кровавый смрад.

<http://bllate.org/book/14585/1293834>